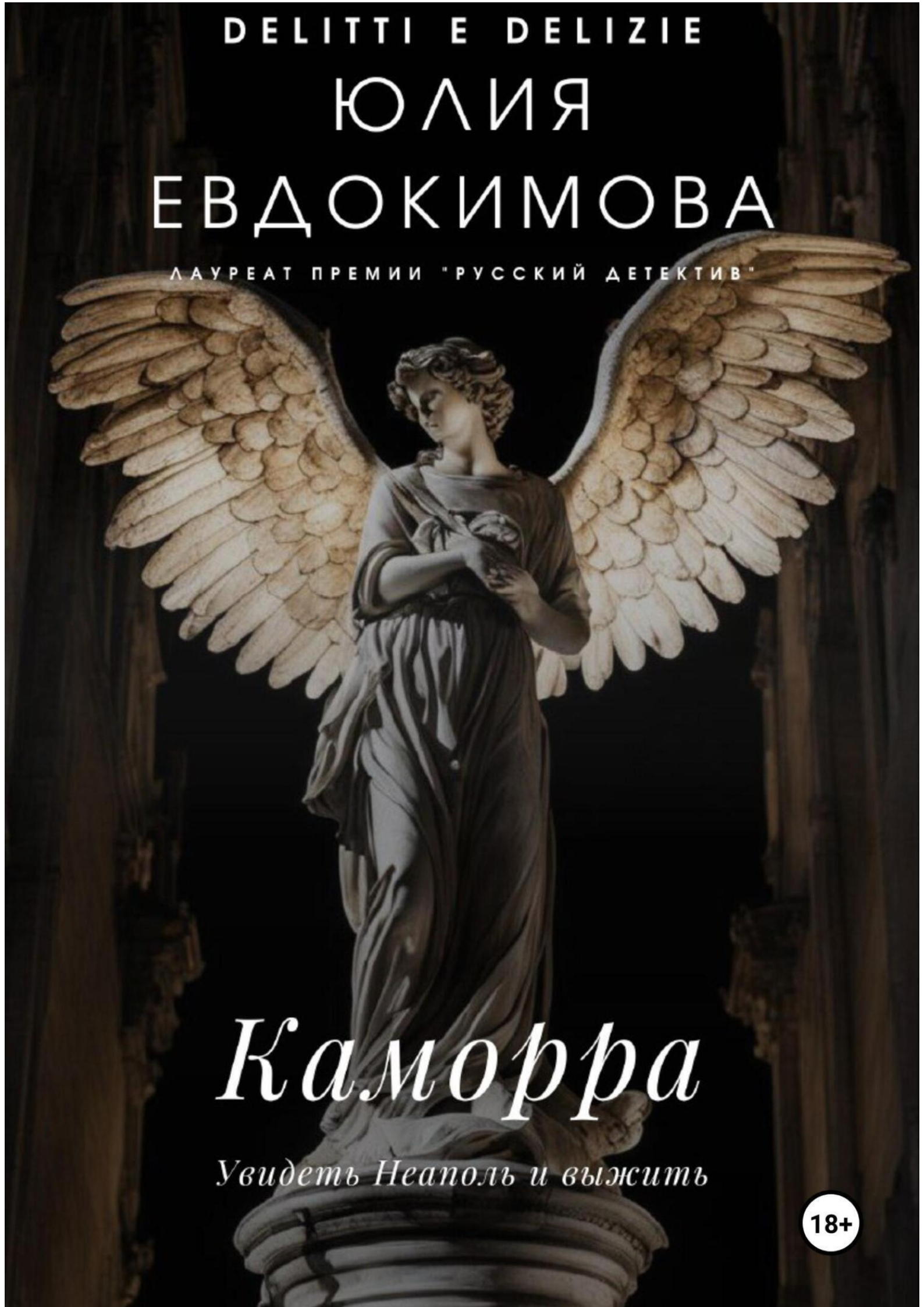
DELITTI E DELIZIE

ЮЛИЯ ЕВДОКИМОВА

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ "РУССКИЙ ДЕТЕКТИВ"



Каморра

Увидеть Неаполь и выжить

18+

Преступления и вкусности

Юлия Евдокимова

Каморра

«Автор»
2024

Евдокимова Ю.

Каморра / Ю. Евдокимова — «Автор», 2024 — (Преступления и вкусности)

Три истории любви с разным концом. Два босса мафии. Одно убийство. И Неаполь — сумасшедший, хаотичный, суеверный, безалаберный, прекрасный. Александра не хотела сюда ехать, но с первого дня в старом квартале попала под обаяние этого города. Она встретила девушку, так похожую на неё, но не успела с ней подружиться. И теперь обязательно должна найти ее убийцу, который зачем-то принес свою жертву в крипту известного храма. Неужели с этим связана самая старая мафия Италии — Каморра? Чтобы узнать правду, придется вслед за новой знакомой шагнуть на тёмную сторону.Здесь говорят: увидеть Неаполь и умереть. Но раз в жизни можно изменить старую поговорку. Увидеть Неаполь — и выжить. И найти убийцу. И полюбить. T'amo ra muri — я люблю тебя до смерти, — скажут в Неаполе. Здесь жизнь и смерть ходят об руку и ты принимаешь правила, чтобы... нарушить и победить. Но оставить здесь навсегда свое сердце.

© Евдокимова Ю., 2024
© Автор, 2024

Содержание

Глава 1. 11
Глава 2 16
Глава 3. 20
Глава 4. 24
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Юлия Евдокимова
Каморра

Аппетитные бестселлеры Юлии Евдокимовой: Италия, которую можно попробовать на вкус.

(Газета «Аргументы и факты»).

***

Юлия- тонкий знаток и ценитель итальянской кухни и прочих итальянских тем.

(Джангуидо Бреддо, почетный консул Италии, член Академии истории итальянской кухни).

***

«На книжной полке- тайны и туманы».

(Журнал «Италия».)

Кто хоть раз побывал в Неаполе, тот никогда не может быть совершенно несчастным.

(Иоганн Вольфганг Гете)

***

Когда любишь до смерти, закрой глаза и ни о чем не думай.
Время пройдет,
Любовь уйдет
И закончится этот танец.
(Из песни «Однажды ночью в Неаполе» группы Пинк Мартини)

***

Не бойся Рима. Змея свила свои кольца в Неаполе.
(Итальянская поговорка)

Давным-давно в незапамятные времена три испанских рыцаря высадились на остров Фавиньяна, к западу от Сицилии…

***Звали рыцарей* Оссо, Мастроссо и Карканьоссо. Одна из их сестер была обесчещена наглым соседом – аристократом, и рыцари смыли позор кровью. Скрываясь от наказания за убийство, они покинули Испанию.**

***Долгие тридцать лет провели рыцари на пустынном острове* Фавиньяна. Там в пещере они создали святилище, где родился их «кодекс чести»: новые правила поведения, новый взгляд на мир, где самым главным были честь семьи и защита интересов друзей.**

Тридцать лет рыцари создавали Кодекс Сообщества Чести. Завершив свой труд, они отправились в мир.

***Оссо посвятил себя Святому Георгию, пересек море по направлению к ближайшей земле – Сицилии, и основал там сообщество чести, которое впоследствии было названо Мафией, Cosa*Nostra.**

Карканьоссо призвал покровительство Архангела Михаила и пересек пролив в направлении ближайшей к Сицилии земле, которой оказалась Калабрия. Там он создал Ндрангету.

Мастроссо отдал себя покровительству Пресвятой Девы и высадился в Неаполе. Так родилась Каморра.

Все совпадения персонажей и событий случайны

Солнце еще не осветило огромный город, лишь небо медленно меняло чернильную окраску на нежно розовую. Ассунта с трудом тянула свою тележку по булыжникам.

Еще пара часов, и падре Чиччо будет служить мессу, нужно работать побыстрее. В ее возрасте не побегаешь, все же 82 исполнилось, но Ассунта никому не хотела доверять уборку. Просто приходится вставать пораньше, вот и все.

До церкви Святая Мария Душ в Чистилище или просто Purgatorio, Чистилище, как зовут ее в Неаполе, Ассунта добралась быстро, хорошо, что живет неподалеку. Город потихоньку просыпался. В цветочном киоске горел свет и в утреннем воздухе пахло весенними цветами. Сумка подпрыгнула и колесики тележки понесли ее дальше, увлекая за собой старую женщину, она чуть не растянулась посреди квартала, хорошо, никто не увидел!

Оживают рыночные прилавки под средневековыми арками; торговец рыбой старательно укладывает ночной улов на лед на прилавке. Хозяин сырной лавки тоже открывается, вышел, что-то крикнул, от чего открылось несколько окон по соседству, а его жена спустила корзинку на веревочке. Он взял оттуда ключи, положил на их место хлеб, еще горячий, и корзинка поплыла вверх.

– Giorno! – Кивнул Ассунте.

– Добрый, Микѐ! – отозвалась она на ходу.

У дверей фруктовой лавки усаживалась мать зеленщика, Джина. В такое время еще спать надо, а она уже устраивается с неизменным вязанием. Джина, ровесница Ассунты, внимательно следила за покупателями, не дай Бог схватишь руками абрикос, или банан! Покажи пальцем – и тебе завернут, что надо. Ассунта не понимала, как можно купить то, что ты не потрогал, не рассмотрел, но протяни руку и Джина кидалась, как злобный Цербер. Ассунта и перестала ходить в лавку, ну, и что ковид, а где гарантия, что фрукты не порченные? А теперь и ковид-то ваш давно прошел, и чего тряслись, все под Богом ходим! – Помоги, заступи Пресвятая Дева! – пробормотала про себя старуха. И прошла мимо лавки, не поздоровавшись с Джиной. Только фигу в кармане сложила, а то плюнет вредная старуха, сглазит.

Сам зеленщик никогда не ругался с Ассунтой, знал, что она убирает в крипте, а до того, пока силы были, хоронила кости. Древняя профессия, от которой сегодня уже ничего не осталось… Raccoglitore – чаще всего женщина – получал от могильщиков никому не нужные останки, забытые родственниками со временем, отмывал их, и уносил в крипту, хоронил в костнице. Сейчас у Ассунты уже нет сил, но как много лет она занималась этим трудом! Ныне и не встретишь raccoglitore, никто этим не занимается, во всяком случае официально, лет тридцать уже… похоже, она была последней в этом племени.

Говорят, что у raccoglitore особый дар, они могут ходатайствовать за души, затерянные в Чистилище. Вот и молчит зеленщик, и смотрит с уважением и страхом. А Джина, мать его – что с нее взять… Дура, как есть, дура

Четыре бронзовых черепа на коротких колоннах сияли, столько рук прикасается к ним в течении дня, ежедневно полирует, вспоминают люди своих родственников, да и собственные грехи тяжкие.

Церковь насчитывала четыре столетия, ее построили в то время, когда в Неаполе утвердился Культ Мертвых, когда иезуиты служили на ее алтарях по шестьдесят месс в день, подумать только! Они проповедовали среди черепов и скелетов, разложенных на черной ткани. Но много лет, как не совершают здесь больше подобных служб, не приходят толпы с факелами в крипту, чтобы помолиться за души, которые покинули этот мир, но не достигли следующего.

Церковные колокола прозвенели семь раз. Эхом откликнулась сумасшедшая Мариуцца на виа Трибунале, заорала свое обычное: – Опасность, опасность! – как делала в течении многих лет.

Вспорхнули голуби от звона колоколов, Ассунта взмахнула руками:

– Кыш, кыш! Вон отсюда! – Глупцы крошат хлеб на ступенях храма, а поганые птицы гадят. – Вон отсюда!

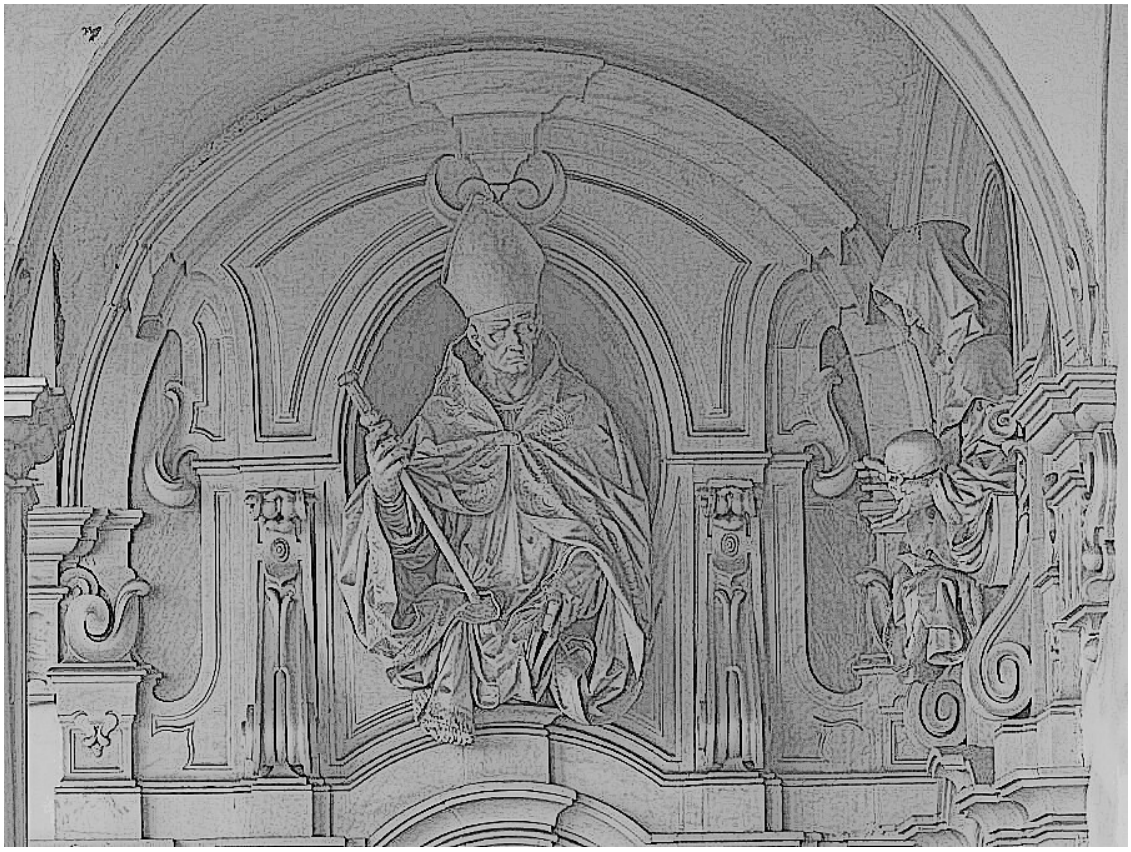
Она достала из кармана платья большой ключ, отперла двери церкви и вошла в прохладную темноту. Металлические колеса тележки застучали по каменному полу.

Ассунта оставила сумку в каморке, взяла ведро и тряпки. Но сначала главное – помолиться.

Она осторожно нащупывала ступеньки узкой лестницы, ведущей в крипту. В этой церкви она могла пройти куда угодно с закрытыми глазами, но осторожность не помешает.

Странно… в крипте горели свечи. Неужели кто-то не погасил их вчерашним вечером? Подошла поближе: на мраморной скамье посреди крипты, со всех сторон заполненной стеллажами с черепами и костями, сидела девушка. Бледная в свете свечей, прекрасная, как ангел. Золотистые волосы волнами спускались на плечи. На шее ожерелье, камни вспыхивали рубиновым светом. На груди – алый цветок.

Ассунта подошла поближе. У цветка не было лепестков, лишь рукоять большого кухонного ножа, торчавшая прямо из сердца.



Глава 1.

Вызов поступил на региональную станцию карабинеров на виа Казанова, когда капитан Флавио Маркон только явился в свой офис.

– Почему мы? Это дело полиции!

– Тело найдено в святилище церкви. Это сфера карабинеров, – ответил оператор.

Флавио вздохнул, отдал приказ своим людям и отправился вниз к дежурной машине.

Он знал, что карабинер не может вечно оставаться на одном месте, и его в любое время могут отправить куда угодно, но все же был уверен, что венецианца не отправят на юг. К сожалению капитан ошибся, и его новым местом службы стал именно юг, и неизвестно еще, что хуже, Сицилия, или Неаполь, в котором он оказался.

Он ненавидел все в этом городе. Шум, хаос на дорогах, мусор. Дрова! Вы только представьте себе дрова на площадях посреди города с ценником наверху! В XXI веке! Он ненавидел чрезмерную общительность, вечные перчики от сглаза, смесь религиозности и криминальности, всю эту их «Miseria e Nobilita», нищету и благородство, они еще и пансионы так называют! Нашли чем гордиться!

И попробуй, допроси здесь свидетелей. Никто ничего не видел и не знает. За соседним столиком только что выстрелили в упор в синьора с чашечкой кофе, а «никто ничего не видел». Привыкли молчать, разве квартал сдаст своего! А женщины? Где вы видели, чтобы женщины вставали во главе преступной группировки в случае смерти мужа или брата!

Настоятель церкви, падре Чиччо ждал карабинеров на ступенях у входа. –

– Ну, слава Всевышнему! Я услышал шум когда зашел в церковь. Осторожно! – невысокий толстенький священник указал на низкие своды на лестнице в крипту.

Господи, эти кости! Как они могут их почитать? Это ненормально. Капитан отвел взгляд, но черепа и кости были повсюду.

– Она здесь. – Священник указал на фигуру на скамье.

Статуя могла быть шедевром Эпохи Возрождения. Прекрасная, как ангел девушка на мраморной скамье.

– Здесь хоронили усопших по время чумы. И девушку кто-то посадил в позе скульптуры. Вы приезжий, с севера?

Капитан кивнул.

– Общение с мертвыми это важная часть религиозной жизни Неаполя. Люди приходят еженедельно, с детьми, внуками, разговаривают с усопшими. Здесь тысячи следов.

Судебный медик коротко поздоровался, осмотрел тело.

– В крипте нет следов крови. Убита в другом месте. Ее ударили ножом дважды. – Он шагнул в сторону и что-то хрустнуло под ногами.

Это было маленькое серебряное сердце. Возможно, ex-voto, благодарность за исцеление. А может быть, это оставил убийца. Сердечко упаковали в пластик.

– Когда я был маленьким, – сказал судебный медик, – отец ставил ведро с водой перед входной дверью в ночь поминовения. Чтобы мертвые могли пить, входя в дом. Однажды я заметил, что воды меньше не становится, и сказал об этом, так мать сразу плюнула, чтобы я не навлек сглаз на семью.

– К чему это вы? – поинтересовался Флавио. Они ненормальные, эти неаполитанцы, какой сглаз, какая вода!

– Мы молились: Sante Anime del Purgatorio pregate per noi che pregiamo per voi. – Святые Души Чистилища, молитесь за нас, как мы молимся за вас.

– Да к чему это все?

– Церковь! Эта церковь священна для неаполитанцев, – пояснил падре Чиччо. – Принеся сюда эту девушку и посадив вот так, убийца хочет что-то сказать.

***

Капитан вышел на улицу, свежий воздух привел его в чувство.

– Зачем присылать сюда северянина? – в который раз подумал он. – Как я могу раскрыть преступление, если я не знаю, не понимаю. чем они тут живут.

Народ собирался вокруг уличного святилища у стен соседнего монастыря. Капитан подошел поближе и тут же позвал своих карабинеров. Несколько свечей окружали лужу крови.

Святилище представляло собой грубый деревянный ящик с фигуркой святой, которая так выгорела на солнце, что ее трудно было опознать. Обычный в таких случаях ящик для сбора пожертвований отсутствовал. Внутри святилища лежала пара маленьких лимонов – видимо подношение

– Кто зажег свечи?

Толпа молчала, люди стали потихоньку расходиться. Священник окликнул старуху с сумкой на тележке:

– Ассунта, останься. – И пояснил: – Это она нашла тело.

Из окна соседнего дома послышалась музыка. Кто-то играл Шопена на рояле. Какой-то абсурд во всем происходящем, – подумал Флавио и обернулся к старухе.

– Что вы здесь делали этим утром?

– Я убираю крипту. Каждое утро.

– Вы пришли одна?

– Одна. Только я и ангел.

– Синьора, – вмешался один из карабинеров. – У храма мы нашли блюдце с маслом. Это вы положили его туда против сглаза?

– Да, я поставила миску.

Флавио выругался про себя. Кошмар какой-то!

– Вы знаете мертвую девушку?

– Я уборщица, а не полицейский.

– Вы оставили миску, – снова вмешался карабинер. – Хотели защитить убитую. Почему?

– Я не сделала ничего плохого. Девочка была мертва.

– Что вы увидели на масле?

– Ведьму. Поэтому я помолилась.

– От какой ведьмы вы хотели защитить девушку? Кто желал ей зла?

– Я ничего не сделала.

– Возможно вы что-то видели, что может нам помочь.

– Я ничего не видела.

– Мы отвезем вас в участок.

– Мне 82 года. Вы хотите меня напугать? Никто не должен умирать молодым. Поэтому я хотела помочь этой девочке.

– Чтобы ей помочь надо найти убийцу.

– Сейчас. – Старуха долго рылась в своей огромной сумке, шуршала и гремела, наконец вынула маленькую дамскую сумочку. – Ищите, это лучше, чем забирать старых женщин в участок, красавчик!

Она плюнула на пол и пошла, волоча за собой сумку на колесах.

– На вашем месте я бы неделю носил рубашку наизнанку, – фыркнул один из карабинеров.

– Не понял?

– Когда соседка сказала, что я милый мальчик, тетя заставила меня ходить в рубашке наизнанку, чтобы сглаз не тронул меня. А она назвала вас красавчиком.

– Я надеюсь, ты шутишь? – Флавио поклялся, что как только вернется на станцию, напишет заявление о переводе. Хоть куда, только прочь из этого города!

В сумке оказалась губная помада, мобильный телефон, студенческий билет на имя Бритты Эрикссон, 28 лет.

– Ну, хотя бы знаем, кто она.

– Разойдитесь! – карабинеры разгоняли вновь собравшуюся толпу.

– Это общественная улица, стоим, где хотим! – Прошипел кто-то

– Интересно, как убийца проник в запертую церковь? – спросил капитан.

– Замок обычный, очень старый, его легко открыть. Думаете, это убийца зажег свечи?

– Не знаю, это вы специалист по местным суевериям, вам видней, – пробурчал Флавио.

***

Оказалось, что девушка жила недалеко, на виа Тарзия. Карабинеры решили прогуляться пешком.

Белье висело поперек узких улочек словно праздничные гирлянды, натянутые между жилыми домами. Народ не стесняясь сушил огромные лифчики (Флавио испугался, представив, для какой груди они предназначались), панталоны, брюки и рубашки. У двери подъезда – крошечная сушилка с разложенными на ней детскими вещами: пинетками ползунками.

Наконец мимо магазинчиков и лавок они вышли в переулок, заставленный прилавками букинистов и продавцов виниловых пластинок, затем через высокую арку на площадь Данте. В двух шагах находился искомый переулок.

На лестничной площадке 7 этажа дверь была открыта, возле нее стояла женщина с лохматым терьером на поводке, вытирала заплаканные глаза.

– Вы квартирная хозяйка?

– Да. Меня зовут Лучия ди Мартино. Ваши сотрудники мне уже позвонили. Мне сказали… бедная девочка!

– Мы хотели бы задать вам несколько вопросов. Можно войти?

Женщина посторонилась.

Крупная женщина с большими руками, чуть за 70, Лучия удивила черными как вороново крыло волосами без малейшей седины. Над верхней губой торчало несколько усиков.

– Бритта ночевала дома?

– Она была здесь вчера вечером. Сказала, что много работы, готовится к зачету. Отказалась ужинать, выглядела уставшей. А потом я услышала, как щелкнул замок. Не знаю, куда она пошла на ночь глядя.

– Какой она была?

– Жизнерадостной, энергичной. Не то что мы. Любила Неаполь, изучала город, я бы сказала, она знала его лучше чем я! Хотите посмотреть ее комнату?

Карабинеры прошли по темному коридору. Дверь в комнату была открыта, полотенца брошены на не заправленную кровать.

Простая обстановка, белые стены, маленький столик. В шкафу дорогая одежда – Гуччи, Прада. Почему шведская девушка жила здесь, снимала маленькую комнату, если так одевалась?

– К ней приходили мужчины?

– Да, и даже оставались ночевать. А к утру тихонько уходили, но я же все слышала. Но немного, двое или трое.

– И все ночевали?

– Нет, кто-то один.

– Вы его знаете?

– Я даже не знаю, как его зовут. И не видела толком. Я была не против, дело молодое.

– Ничего особенного не замечали в последнее время?

– Даже не знаю, как сказать… однажды я случайно увидела ее на улице. Она забирала деньги из ящика для пожертвований.

– Как она его открыла?

– У нее был ключ.

– Вы спросили ее?

– Нет. Она сама пришла ко мне следующим вечером и сказала, что нашла подработку. Собирает деньги для храмов.

– Но это же работа мелких банд.– включился тот же карабинер, что рассказывал про рубашку наизнанку.

– Она и сказала, что работает на семью Палумбо.

– Иностранка, девушка? Такого не бывает.

– Она сказала, что мать больна и она нуждается в этой работе. Вы человек со стороны, да? – повернулась Лучия к капитану. – Обычно даже Каморра не решалась совершать преступления возле святынь, под взором святых или Мадонны и Иисуса. В прежние времена только воры протягивали веревки через темные переулки, чтобы ночью сбить людей с толку и ограбить их. Монах-доминиканец убедил короля дать деньги на масляные лампы, но воры их уничтожили. Поэтому король распорядился установить перед статуями святых благодарственные свечи. Люди любили святыни. Но теперь Каморра взяла верх, и святыни стали еще одним бизнесом, вроде лотереи.

– Совместное предприятие Каморры и Ватикана, – хихикнул карабинер, но синьора взглянула на него с укором.

Распрощавшись с Лучией, карабинеры вышли во внутренний двор.

Капитан остановился поговорить с привратником. Двери старинного палаццо в самом центре Неаполя запирались на ночь, у жильцов были свои ключи. Утром, заступая на свой пост, привратник отпирал дверь и бдил на своем посту до самого вечера.

– Хорошая девочка, хоть и иностранка, всегда здоровалась, спрашивала, как дела. Как и другая, с которой они вчера пили кофе. Блондинка! – Мечтательно произнес старый привратник и сдвинул кепку на затылок, почесал лоб. – Она мне кофе принесла, представляете?

– Какая блондинка?

– Заехала вчера, туристка. Да вон она как раз, – пожилой синьор кивнул в сторону лифта и расплылся в улыбке.

Флавио взглянул в направлении лифтов и замер, потеряв дар речи. Ему навстречу шла Алессандра, с которой они встретились в Венеции, попали в невероятную историю по воле старой графини, но очень быстро потеряли контакт. Внутри екнуло. Он больше не был один в чужом и непонятном Неаполе…

Молодая женщина поздоровалась со старым Пеппино, подняла глаза и тоже замерла на месте.

Так они и стояли, пока привратник, почуяв, что на его глазах происходит что-то интересное, не закашлял громко, и не вывел обоих из оцепенения.

Глава 2

.

Александра ненавидела итальянский юг. Ее Италия заканчивалась сразу за Римом, и при упоминании Капри, Сорренто и прочих южных красот, девушка лишь пожимала плечами. Она наелась Калабрией и мафией, насмотрелась на Богом забытые деревни в горах и ее единственное посещение Амальфи в давнем октябре закончилось полным разочарованием. Возможно, все дело в осени, но если северная Лигурия в октябре полна народа, бегают один за другим кораблики и шагу некуда ступить в знаменитом Пятиземелье, то юг ее безумно расстроил. Все закрыто, вымерло, и компания старичков, подошедшая поговорить на пустом и холодно морском берегу, подлила масла в огонь:

– Нам вот по телевизору показывают страны третьего мира, а ведь это мы здесь. Когда заканчивается сезон и уходит лето, у нас здесь ничего нет.

Было, конечно было исключение: таинственная Лукания, затерянная среди гор между Кампаньей и Калабрией, с умопомрачительными видами, деревнями, чудом удерживающимися на скалах и нереальной, невозможной магией.

Так что, когда подруга Сонька позвала ее в Неаполь, Александра категорически отказалась.

– Не мое это, не хочу!

– Сань, не могу я туда одна ехать! Марко категорически не отпускает, сказал, нечего женщине одной делать в Неаполе. А мне очень надо! Не часто приглашают на практику знаменитые виноделы.

– Раз не пускает одну- пусть сам с тобой и едет.

– У него работа. И близнецам лучше не с няней, а с отцом.

– У которого работа.

– Сань, ну пожалуйста! С тобой он отпустит!

– Удивляюсь я твоему мужу. Со мной ты точно куда-нибудь вляпаешься.

– Не вляпаюсь. Мы там никого не знаем, и спокойно поживем недельку, поедим вкусностей, погреемся и попьем вина. А вино знаешь, какое классное! Ой, я такие апартаменты забронировала! Ты будешь в восторге!

– А что я Луке скажу? Невеста приехала в Италию и сразу рванула в Неаполь, а жених побоку?

– Луке скажу я. Со мной он тебя отпустит.

И все же Саша держалась стойко. Ровно три дня, пока Соня не прислала фотографии апартаментов. В таком месте она еще не жила, и нырнуть из холодного марта в теплую неаполитанскую весну… почему бы и нет в конце то концов! Come no?

Лука поворчал, действительно, как это в Италию- и не к нему! И вообще поездку надо планировать так, чтобы потом приехать во Флоренцию, и подольше, зачем тратить целую неделю на Неаполь, он не понимал, но смирился.

– Не вздумай надевать серьги, часы тоже лучше сними, телефон не вытаскивай! Вечером из дома не выходите! – Комиссар активно инструктировал Сашу и Соню.

– Ты сам-то был в Неаполе?

– Не был, и делать там нечего!

***

Саша вышла из самолета совершенно без сил. Ненавидела она пересадки, от прямого рейса выматывалась, словно неделю в шахте уголь копала, а уж с пересадкой! А потом пришлось добираться на римский вокзал Термини, садиться в поезд, чтобы через полтора часа оказаться в Неаполе…

В поезде она вспомнила, что так и не включила телефон после перелета. Нажала клавишу и один за другим посыпались пропущенные звонки. Все от Сони! Девушка забеспокоилась, набрала подругу и… потеряла дар речи.

Оказалось, что именно сегодня оба близнеца разболелись. Поднялась температура, ждут врача. Соня умоляла подругу обязательно заселиться в апартаменты, а она все разрулит и примчится. Клялась: максимум два дня!

Саша нажала отбой и призадумалась. Если б не усталость, она бы прямо на вокзале Неаполя пересела на встречный поезд и часа через три была во Флоренции. Но при мысли об этих трех часах, а в итоге где три, там и все четыре а может больше, становилось дурно. Победили расстояния.

– Ладно, заселюсь я в эти апартаменты, хоть отдохну. Кровать через каких-то полчаса перевесила обиду на подругу и страх перед ужасным городом, где нельзя надевать серьги и часы, а то с ушами и руками оторвут.

Пять минут в очереди у вокзала – и чемодан в багажнике, а водитель каким-то непонятным образом умудряется лавировать в автомобильном хаосе. Саша вздрагивала, когда машины не тормозили на «зебре», проскакивали на зеленый свет, прохожие, собираясь по несколько человек, умудрялись как-то перебегать дорогу.

Но хлеще всего вел себя водитель. Он повернулся к пассажирке, спиной к дороге уточнил адрес:

– Via Tarsia?

Саша кивнула.

Водитель пропел что-то вроде «О-ла- ла» и уточнил номер дома.

– Шестьдесят четыре.

– Signora mia, какое совпадение! Я живу на той же улице, только чуть

дальше, и теперь я смогу пообедать дома! Мадонна, какое рагу делает моя жена! Синьора, а давайте я поставлю тариф, как будто я забрал вас из города, а не с вокзала!

Если бы он еще смотрел на дорогу, а не ехал спиной вперед, а еще держал

бы руль вместо того, чтобы восторженно махать руками… но Саша все-таки поинтересовалась:

– Все говорят, что в Неаполе не спокойно, опасно ходить туристам. Это так?

– Signora mia, – зацокал языком таксист. – Неаполь оболгали, синьора! Гуляйте спокойно где хотите, хоть на закате, хоть на рассвете, это я вам говорю, я здесь родился и вырос! Вы приехали в правильное место, вам понравится здесь все, это же Неаполь!

И на Сашино «sicuro, sicuro?»– точно-точно? Ответил: – Sicurissimo! – И вздохнул: – Не тот уже Неаполь, не тот…

С запруженной транспортом и народом пьяцца Данте машина резко и неожиданно свернула в узкую улочку и тут же, в трех метрах от пощади остановилась.

Обрамлен колоннами серый каменный портал высокого дворца, массивные коричневые деревянные двери распахнуты в серый каменный вестибюль с высоченными потолками, откуда ведет вверх лестница, такая же солидная и основательная, как и здание. Слева – застекленное окошко, и вот уже пожилой синьор в клетчатой рубашке, жилете и кепке на затылке выскочил, вопросительно подняв брови.

– Пеппино, я тебе постоялицу привез! – помахал ему таксист, и умчался, чудом развернувшись между старыми домами.

– К инженеру Эспозито? – Строго поинтересовался привратник и тут же расплылся в улыбке: – Он предупредил. Вон лифт, налево. Пятый этаж.

Закрылась с грохотом дверь лифта, каких Саша не видела со времен детства, такие были когда-то во всех московских «сталинках», железные, сетчатые. Затем задвинулась уже непрозрачная дверь, и тут девушка вспомнила, что подруга предупреждала: в неаполитанских лифтах в жилых домах ты оплачиваешь проезд, каждый раз бросаешь монетку. И где взять центы только что приехавшей туристке? Но там, где должен стоять приемник монет, все было аккуратно отломлено, какой-то местный умелец скрутил шайтан-машину.

– Ну, спасибо, значит тут мы ездим бесплатно! – Порадовалась Саша.

Инженер Эспозито, аккуратно одетый, высокий молодой человек радушно приветствовал девушку.

– София предупредила, что вы пока заедете одна. – И она повел Сашу из шикарной прихожей в салон, оттуда в коридор, показал несколько ванн, три балкона и две огромных спальни. Узорчатая керамика на полу, антикварная мебель и картины в золоченых рамах. В Риме или Флоренции за день в таких апартаментах ушла бы Сашина трехмесячная зарплата. Но это Неаполь.

Торшеры, портьеры, чистота и роскошь, строгий взгляд импозантного синьора с черной бородой с портрета в салоне.

– О, это дядя Вичентино! – Поймал ее взгляд хозяин квартиры. – Я с ним не знаком, он умер 150 лет назад.

На столе в фарфоровом блюде сияли глянцевыми пористыми боками апельсины, налились золотом яблоки, темное вино ждало гостью в бутылке.

– Это вам, – инженер Эспозито кивнул на стол. – На мой взгляд это лучшее красное вино в наших краях. Это Альянико. И вы же не поели? Вон там, – кивнул он в окно на площадь – ресторанчик-пиццерия «Золотой лев», даже не сомневайтесь, идите туда обедать. А вон в тот портал – два шага и вы в самом сердце Неаполя. – Он поцеловал сложенные пальцы: – Там вы голодной не останетесь! А на этаже спокойно, тихо, синьор Сконамильо – вы же видели табличку на дверях что он доктор гинекологии? Не пугайтесь, он принимает в клинике, а не на дому! – так он уехал навестить сестру. Вам будет здесь хорошо. Адвокат из квартиры справа сейчас в Риме. Отдыхайте!

– Синьор, мне многие говорили, что в Неаполе опасно… проблемы с преступностью… надо гулять осторожно.

Инженер Эспозито помрачнел.

– Вы бывали в Париже, синьора? Вы знаете, что там опасно вынимать банковскую карту из кармана, на Монмартре сумочки выхватывают из рук прохожих! Так вот, в Неаполе такое невозможно. А мелкие воришки- проблема любого большого города.

***

Саша разложила вещи и решила сходить в ресторанчик. Время уже за пять вечера, значит пиццу уже пекут. Ведь в правильной пиццерии печи днем не растапливают!

Она умылась и отправилась на улицу, столкнувшись в лифте с девушкой лет тридцати.

– Приезжая? – заулыбалась девушка.

– Да, вот только приехала.

– Откуда ты?

– Из России.

– Я из Швеции. Я Бритта.

– Александра.

– Пойдем выпьем кофе, вон бар напротив дома. И я все тебе расскажу и покажу.

Не успели они открыть дверь в бар, как женщина за стойкой уже метнула на прилавок два блюдца.

– Откуда она знает, что нам кофе?

– Это Неаполь, дорогая. Зачем еще мы могли зайти? И забудь о кофе на бегу. В Неаполе это ритуал!

Запахло кофе с неожиданной ноткой миндаля и шоколада, а вкус оказался выше всяких похвал. Девушка вовремя остановила себя и не закинула ароматный глоток одним махом, не уронила себя в глазах местных.

Бритта показала ей киоск с овощами, рассказала, где можно купить их подешевле, успокоила, что можно спокойно бродить вечером в переулках у дома.

– Испанский квартал? Ну, да, это здесь. Только не верь глупым слухам, ну, ты сама скоро убедишься!

Саша поблагодарила Бритту и девушки договорились на днях еще поболтать за кофе. – И я тебе покажу, где делают лучшие сфольятелле!

– А что это такое?

– А это такие булочки, они бывают из песочного теста, а бывают из слоеного. Марио в кондитерской через улицу делает их просто умопомрачительно. А вон там, на углу соседнего переулка, кондитерский магазин. Глаза разбегутся, уверяю. Да что я тебе рассказываю, сама увидишь, это же Неаполь!

– А ты что здесь делаешь?

– Я учусь в университете. И подрабатываю немного, но неофициально. – Бритта помахала новой знакомой и умчалась.

Саша купила еще один кофе и отнесла его привратнику, синьору-как-его-там- назвал-таксист. А потом обрела пиццу, перебежала площадь, прошла еще чуть-чуть, юркнула в «свой» переулок и наконец расслабилась.

Она вышла на балкон с бокалом, полюбовалась на вечерние огни и салютовала каменному Данте в середине площади.

– Прости, друг! – Отпила очередной глоток. – Флоренция немного подождет. Потом отчиталась перед Соней и Лукой о приезде и заселении, упала в кровать и уснула, как убитая.

Глава 3.

Они наконец пришли в себя и хором спросили:

– А что ты тут делаешь?

Флавио отдал распоряжения сотрудникам и потащил Сашу в соседний бар. Ему показалось, что если пойти куда-то дальше, то девушка потеряется и он снова окажется один в этом ненавистном городе. Александра показалась ему глотком прежней жизни, крохотной, но связью с Венецией, с домом. Сказал бы кто пару месяцев назад, что символом родного города станет для него русская девушка – не поверил бы.

И первым делом он облегчил душу, усевшись за самый дальний столик, чтобы не слышали две любопытные дамочки – хозяйки бара; шепотом он рассказал Саше все: о переводе на юг, о неприятии Неаполя, о непонимании этого сумасшедшего города, о… тут он вынужден был признаться, что ранним утром, когда Везувий выплывает из голубого тумана и неаполитанский залив становится золотисто-розовым, случается что-то необъяснимое и магическое. Эта картина завораживает и даже Флавио готов признаться, что в этот миг он сам тает, как розовый туман…

Они вспомнили графиню Контарин, капитан поругал Сашу, что она так и не приехала на оплаченный курс в венецианском университете, а девушка промолчала об изменениях в своей личной и почти семейной жизни. Почему-то ей показалось, что сейчас это будет лишним.

– Я до сих пор удивляюсь, каким чудом нам разрешили довести до суда дело в отношении таких важных людей! (Саша знала, что чудо зовется кардиналом Ридольфи, но снова промолчала). Но тем не менее, некоторые круги мне этого не простили, поэтому я оказался здесь. Мне еще повезло, что не в захолустной деревне в Калабрии или на Сицилии.

– Но согласись, что кофе у них невероятный!

– Согласен! – Со вздохом согласился карабинер.

– Так потихоньку ты и другие приятные стороны обнаружишь. Уже две нашлись! А я… не знаю почему, но я очаровалась сразу. Это необъяснимо, я ничего еще не видела, а вот…

Флавио отправился расплачиваться за кофе, но денег с него не взяли.

– Sospeso? В смысле подвешенный?

– Signori, это же традиция! Кофе в Неаполе – это напоминание о том, что радость всегда делится, напополам, на троих, на компанию. Когда вы пьете кофе в Неаполе- вы причащаетесь!

– Причащаемся?

– Да! Вы касаетесь души Неаполя.

– А почему кофе подвешенный?

– Потому что кофе в Неаполе не пьют по одиночке. Я же сказала- радость напополам. И если вы пришли один, вы обязательно оплатите вторую чашечку, для того, кто придет после вас, так вы разделите с ним этот кофе.

– Офигеть! – сказала Саша. – И ты не почувствовал этот город? Интроверт северный! – и пошла платить за подвешенную чашечку для следующего гостя. И это «южнее Рима я все ненавижу»!

– A che bellu cafe sol a napl o san fa! – крикнули хором им вслед хозяйки бара.

Саша и Флавио переглянулись. Ни одного слова знакомого.

– Такой прекрасный кофе только в Неаполе, – перевел им входящий в бар мужчина.

Они вышли на улицу, договорились о встрече вечером и почти распрощались, как вдруг оба остановились.

– А что ты делал в моем доме?

– А я чуть не забыл тебя спросить!

И капитан рассказал Саше об убийстве девушки, снимавшей в этом доме квартиру.

– Бритту убили? Боже мой! Она такая милая… была.

– О чем вы говорили? Привратник сказал, что вы болтали как подруги и ходили пить кофе.

– Сплетник! Мы познакомились за минуту назад, как он нас увидел, в лифте. Бритта предложила попить кофе и дала ценные советы, где покупать продукты, где пить кофе. куда идти за пирожными.

– А что-то еще? О каких-то ее знакомых, может, она куда-то собиралась, с кем-то планировала встретиться.

– Флавио, мы только встретились! Даже общительные девушки не выкладывают все о своих друзьях. любовниках и планах через полчаса после знакомства.

– А жаль! – засмеялся карабинер и они распрощались.

***

Напевая про себя «funiculi-funicula» – у Поваротти явно получалось лучше – Саша поднялась на фуникулере на холм Вомеро. От площади Данте до фуникулера Монтесанто два шага. Еще несколько минут – и весь огромный город раскинулся под ее ногами.

Далекие горы казались шкурой огромного слона, а Везувий лишь наполовину вынырнул из прохладной бледной ваты тумана. Саша долго разглядывала ангелочков, похожих на пчел и прочие барочные скульптуры и барельефы в монастыре Чертоза ди Сан Мартино, надолго зависла у вертепов в музее. Не зря Неаполь считается столицей вертепов, таких она нигде еще не видела! Двор монастыря-музея был пуст и она присела ненадолго у мраморного колодца, радуясь мартовскому солнышку, по-летнему жаркому. Скажи ей сейчас, что надо ехать во Флоренцию, Саша, наверное, расплакалась бы и отказалась. Как же не хватает солнца и запаха моря после долгих темных и холодных зимних дней!

Сам монастырь появился в 1325 году, а в 1866 году, когда его стены покинули картезианцы, здесь открылся национальный музей Сан Мартино. В его залах стоят золоченые кареты и галеры, здесь собраны нереально прекрасные вертепы, около тысячи картин художников неаполитанской школы и прочие предметы, связанные с жизнью Неаполя.

Потом она отправилась выше, туда, где возвышались величественные крепостные стены которые, как и Везувий, видны практически из любой точки Неаполя.

Замок Святого Эльмо построен во времена короля Робера д'Анжу, или Роберта Анжуйского, в 1329-343 годах. Замок связан и с историей России – в 1717 году здесь скрывался от преследований отца царевич Алексей Петрович, а в 1799 году замок был символом неаполитанской республики.

Но для Саши самым радостным оказалось то, что к великолепным панорамным видам с самой верхней точки можно подняться на лифте.

– Вон-вон, смотри, Капри! – пожилая пара тыкала пальцами куда-то в глубь моря.

А внизу разливалось другое море – крыш и куполов, все теплых цветов, и это желтое и красное море сливалось с морем синим и обрамлялось темной зеленью. Кто там сказал – увидеть Неаполь и умереть?

Набродившись по замку и по бульварам Вомеро, Саша забрела в небольшой магазинчик, скорее домашнюю кулинарию, где продавалось и вино, и сыры, и готовая еда.

– Розарио, кудесник! Твои аранчини просто волшебны! – розовощекий, чернокудрый молодой красавец – мясник расплывался от удовольствия, слушая похвалы двух воздушных старушек.

Аранчини же сицилийская еда! – удивилась Саша, но поддавшись «рекламе» взяла домой два огромных оранжевых шарика, повернулась к сырному прилавку.

– Un etto di fontina, сто грамм фонтины, – попросила она у мясника любимого сыра.

– Синьора, какая фонтина? – всплеснул тот руками. – Моцарелла ди буффала, только привезли, свежайшая!

– А мне фонтину.

– Синьора, вы не понимаете, как можно брать фонтину, когда моцарелла тает! Умоляю, послушайте меня, синьора!

Саша послушала, и хотя она была совершенно равнодушна к моцарелле, то, что укладывал в пакет «кудесник Розарио» совершенно не походило на тот сыр, к которому она привыкла. От одного вида этой моцареллы текли слюнки, она казалась белым пухлым облаком каким-то чудом опустившимся на прилавок мясника.

– Хлебушка.

– Что?

– Хлебушка. А как же вы собираетесь есть мою моцареллу?

– А как ее надо есть?

– Хлеб только не режьте, его надо ломать большими кусками и поливать оливковым маслом и посыпать морской солью и сухой петрушкой, и фенхелем и розмарином… и помидоры… куда вы пошли, синьора, кто же берет эти помидоры, это же на салат! Вон те, маленькие, да-да, вы чувствуете аромат. синьора?

– Вино я ей уже пробила! – кричит седенькая старушка за кассой, наверняка mamma или бабушка – nonna красавца Розарио.

Саше осталось только рассмеяться.

Нагруженная совсем не тяжелыми пакетами они спустилась вниз по лестнице, останавливалась на каждом повороте и смотрела на сине-желто-красный Неаполь. А он становился все ближе. и вот она уже в двух шагах от дома, но после такой рекламы еды, как в маленькой мясной лавке холма Вомеро она уже не могла терпеть, и рухнула за столик первого же уличного кафе и попросила кофе, и…

– А еще нет! – Расплылся молодой официант.

– Чего нет?

– Ничего нет! Утреннее съели, остальное еще не испекли. Погоди!– он вернулся с тарелкой, на которой лежали два куска яблочного пирога.

– Бабушка испекла, завернула мне на обед. Но я потом перекушу, а ты, вижу, голодная!

Саша ела пирог, запивала лучшим в мире кофе и смотрела вокруг, на мотоциклы, лавки, магазинчики, бабушек с сумками на тележках, монахов, пышных девиц в джинсах под руку с брутальными кудрявыми пареньками, на развешенное белье, облезлые балкончики дома, из которого вырастал другой дом, и так до самого холма. На ярко желтую церковь и на мраморную Мадонну дель Монте Санто дель Кармело. Санта Мария дель Кармело печально смотрит на хаос вокруг, чуть склонив голову к постаменту с надписью: «сын мой любимый»…

А Он напротив. Раскинул руки над фантасмагорией балкончиков, карнизиков, благословляя здания, площади, лавочки зеленщиков и продавцов сумок, толпу, бегущую с электрички в метро и наоборот, весь хаос и неразбериху вокруг святой горы Монтесанто.

Te voglio bene assaje… Ma tanto tanto bene sai… – поет где-то в глубине квартала голос Карузо. А может, Поваротти.

Куда смотрел все два месяца капитан Маркон? Или венецианец не способен почувствовать то, что чувствует сейчас она?

Глава 4.

Карабинеры прочесывали квартал, показывая фотографию Бритты в лавках, магазинчиках и ресторанах. Все пожимали плечами, если кто и видел девушку, то ничего толком сказать не мог или не хотел.

Женщина подметала у входа в дом, рядом стояла коляска.

– Простите, вы знаете эту молодую женщину?

– К сожалению, нет.

Покачали головами и старухи, уже с утра сидящие на скамейке возле статуи Святого Франциска. Группа пареньков свистела в след проходящим красивым женщинам, рядом устроились на перекур строители, с соседнего здания свисали леса.

Две пожилых монахини, схватившись за руки, перебежали дорогу. Посмотрели на фото, покачали головами.

Чуть дальше вглубь квартала на деревянном стуле у входа в дом сидела древняя старуха. К ней подкатила коляску молодая женщина, старуха молча вынула откуда-то две швейных иглы, вставила одну в ушко другой, проговорила: Vacchi e contro e perticell agli vocchi, crepa l'invidia e schiatton gli ochi – Глаза в глаза и дыры в глаза, от зависти трескаются и глаза лопаются. Защита от сглаза.

На соседней улице расставили столы продавцы фруктов. Коты крутятся под ногами, мешаются, как будто им мало рыбных прилавков на углу. Дальше начинается все вперемешку, апельсины и сыр, обувь и белье, ряды сумок и джинсов. Но и там продавцы качали головами, действительно, что делать девушке, одевающейся в Гуччи и Прада на этих развалах. Но зачем-то она здесь жила!

Продавец винограда огляделся и шепнул:

– Эта девушка- подружка брата Паскуа.

– Какого брата Паскуа?

– Молодого монаха из церкви Чистилища. Он там недавно, новенький. Бедняжка, куда ему еще идти, как не в монахи.

– Это почему?

– А он калека, одна нога короче другой. И зрение такое, что очки не помогают. А иначе…

– Что иначе?

– Так он племянник Дженнаро Палумбо.

– Главы клана Каморры?

– Ну, да. А бабка его полы в церкви моет.

– Какая бабка?

– Ассунта.

***

– **Вот это финт. И старая карга** нам ничего не сказала? Она что, мать каморриста?

– Нет, она по другой линии бабка, по отцовской, мы выяснили.

– Так вот почему она защищала убитую. Подруга внука.

Флавио зачитал бригаде заключение судебного медика и криминалистов.

Девушка убита на улице, возле церкви. У ящика с пожертвованиями. Потом ее пронесли в церковь через дверь, которая обычно закрыта на ключ и по лестнице в крипту. Но нигде внутри ни одной капли крови. Никто не видел, как ее убивали.

– Ну, если она подруга племянника главы клана Каморры, понятно, почему никто ничего не видел.

– Или убийца подготовился, сейчас купить бахилы и защитный костюм не сложно. Вот и не оставил следов.

– Капитан, мы хорошо вляпались.

– В каком смысле?

– Если наше расследование будет раздражать Каморру, от нас быстро избавятся.

– Мы живем в XXI веке.

– Вы не местный…

– А если это не Каморра? Если семья Палумбо сама заинтересована в поиске убийцы, и он постарался не оставить следов именно потому. что боялся каморры.

– Этого мы не узнаем.

– А может, мы просто спросим?

– Вы хотите поговорить с Дженнаро Палумбо?

– Почему нет?

– Капитан, на вашем месте…

– Вот будешь на моем месте, тогда и скажешь. А пока придется выполнять мои приказы. Устройте мне встречу с Палумбо. И нужно срочно допросить эту бабку, Ассунту.

***

Карабинеры устроились на обед в ресторанчике по соседству. Девушка-официантка принесла хлебную корзину и бутылку воды и кивнула, глядя на фотографию Бритты.

– Да, она иногда у нас обедала. С монахом, с Паскуà.

– Паскуале – а дальше?

– Паскуале Сальватори. Мы выросли вместе. Я знала, что она стал монахом, и удивилась, увидев его с девушкой.

– Он плохо видит?

– Очень плохо. Осложнение после гриппа, сначала-то все было нормально. А ноги разные от рождения.

– Давно они здесь обедали?

– Пару месяцев назад. А почему вы интересуетесь?

– Девушка убита.

– Мамма мия! Та девушка, в склепе? Не знала, что это она… – официантка перекрестилась.

– Расскажите нам о Паскуале Сальватори. Он племянник Дженнаро Палумбо, как нам известно?

–Тсссс… здесь не произносят этого имени.

– Это почему?

– Наш пекарь… Тонио…

– Что с ним?

– Вы не местный, не знаете эту историю.

– Какую историю?

Девушка огляделась и зашептала:

– Тонио – лучший пекарь в квартале, да даже во всем Неаполе! Он всегда жил с матерью над своей маленькой пекарней. Мать готовила такое рагу с фрикадельками, что весь квартал слюнки глотал. Он всегда жил с матерью, не хотел жениться. Но и рэкету платить не хотел. Они решили сжечь его пекарню, но убивать не хотели, долго следили, чтобы он уехал на доставку. И подожгли. А в задней комнате была его мать.

– Она погибла?

– Да. Тонио был вне себя. А потом приехал один из капитанов Палумбо и вручил ему конверт. Тонио разорвал его, там было много денег. Мне рассказывали, как рваные деньги носил ветер по всему кварталу, а все боялись к ним при коснутся, ведь это деньги Палумбо. Палумбо не собирался убивать и таким образом извинялся,его солдаты упустили, что женщина была в пекарне.

– А потом?

– Тонио несколько лет скитался по улицам, и в конце концов потерял свою квартиру, все ушло за долги. Только пару лет назад он потихоньку снова начал печь, но уже на нашего хозяина. И печет он прекрасно, но это уж не тот хлеб. И мы никогда не вспоминаем Палумбо и ту историю, вдруг у Тонио опять случится срыв.

– А где он живет?

– Иногда ночует здесь, иногда в ночлежке для бездомных. Но вы не подумайте, он очень чистый, с этим все в порядке! И gettatore…

– Кто?

– Джеттаторе – это ведьма, которая накладывает порчу, сглаз.

– И что она? – Флавио сдерживал смех.

– Она взяла его под свою защиту.

Официантка ушла и Флавио, наконец, засмеялся. – Что за чушь, какие ведьмы?

Карабинер покачал головой. – Не смейтесь над тем, чего не понимаете. А лучше приобретите красный перчик и носите в кармане от сглаза. С нашей-то работой…

Капитан лишь развел руками, а карабинер продолжил:

– У нас здороваются с духами когда заходят в дом.

***

– Он плачет.

– Кто плачет? – не поняла Саша, которая только что спросила у привратника, как ей лучше добраться до фонтана Зачарованных на набережной.

– Фонтан. Вы не слышали, синьора, что неаполитанские фонтаны плачут?

Саша лишь развела руками.

– О, это интересные истории. У каждого фонтана своя. Но будьте осторожны с фонтаном Зачарованных!

– Почему?

– Знаете, почему в Неаполе необыкновенный кофе? Потому что воду берут из чистых подземных источников. Но воду из фонтана Зачарованных пить нельзя!

– Станешь поэтом? – засмеялась девушка, вспомнив старую сиенскую легенду о фонтане Фонтебранда.

– Если бы! – Привратник сотряс руками воздух. – О, если бы! В его воде смешалось столько слез! Однажды ночью самые могущественные ведьмы Неаполя плеснули в фонтан немного неразделенной любви, это месть некоей ведьмы, безответно влюбленной в испанского дворянина. С тех пор многим, пившим из фонтана, досталось по глотку несчастной любви, и их собственные слезы смешались с водой!

Саша пообещала не пить из фонтана – как будто ей пришло бы такое в голову! – и отправилась на набережную, на встречу с Флавио Марконом.

Море полно лодок и яхт, весь горизонт исчерчен мачтами, хозяева лодочек сидят кружком то тут, то там, пьют кофе, обсуждают свои дела в приятной компании. Здесь весело и шумно, совсем не так, как в знаменитом кафе Гамбринус, одном из десяти первых кафе всей Италии, входящем сегодня в сеть исторических кафе. Туда заходят элегантные синьоры, кото-

рым холодно в мартовские плюс 20С, и они кутаются в шарфы поверх дизайнерских пальто, и дамы все как на подбор в Гуччи и прочих Дольче и Габбана. И в Гранд кафе скучают официанты с полотенцами на предплечье среди крахмальных скатертей. А здесь, на набережной, кипит жизнь…

Флавио энергично замахал ей издалека. Саша даже смутилась, так радовался ей капитан. Надо же, как одиноко жилось венецианцу в Неаполе, а может, он просто закрылся, не захотел впускать город в свое сердце?

– В рыбный ресторан?

– Слушай, ресторан это хорошо, но здесь мне почему-то хочется простой еды. Давай куда-нибудь подальше от набережной?

– Тут, у моря хотя бы логика понятна. А в центре я вообще ничего не понимаю, ни куда идти, ни как выбраться.

– Значит, будем учиться! – Саша почувствовала себя важной и взрослой. Ох, уж эти венецианцы из своего замкнутого мирка!

Флавио замахал руками, остановилось такси в самом центре потока машин, создав пробку, хаос гудков, криков, звука тормозов, и они героически перебрались через поток машин и рухнули на сиденье, а таксист рванул с места, показывая неприличные жесты гудящим и ругающимся собратьям:

– Поехали, поехали, по дороге объясните, куда вам надо!

– Нам в какое-нибудь местное заведение!

И он отвез их к знаменитой пиццерии, где хвост очереди вился по всей улице.

Флавио и Саша переглянулись и побрели куда-то с одной узкой улицы на другую, капитан отскакивал от мотоциклов, маленьких и больших авто, чудом умудрявшихся протискиваться по таким улочкам да еще и разъезжаться, а потом отскакивал обратно, потому что на голову капало с развешенного белья, а некая старушка вообще выплеснула воду прямо на улицу со своего балкончика на верхнем этаже здания.

– Я больше так не могу! Пошли отсюда! – взмолился капитан, а Саша вдруг расхохоталась.

– И что смешного?

– До меня только сейчас дошло. Ты же венецианец, ты машин-то на дорогах не видел никогда!

– Не такой я дикий, что уж ты! Я учился в Милане! Но там нет такого хаоса. Вот ты видела галерею Умберто I? Ведь близнец галереи Витторио Эммануэле в Милане! И какая же разница! Там роскошь, здесь даже стекол в витражах не хватает! Как, как они могут так жить! – последние слова он прокричал громко, и тут же обернулась маленькая старушка в черном:

– Ogne scarrafone è bello ‘a mamma soja!

– Вот что, что она сказала?

А Саша продолжала хохотать, Флавио оказался настолько неприспособленным к окружающему миру, что она просто не могла удержаться.

– Говорит, что каждый таракан для своей матери красавчик, – перевел на итальянский синьор, поправлявший вывеску на своем магазинчике.

Тут Саша уже смеялась до слез.

– Я больше не могу, я есть хочу, давай зайдем хоть куда-то! – и они отворили двери с вывеской «Hostaria», вот так просто, без названия.

Им подали пасту, от аромата которой даже у сытого возникнет нестерпимое чувство голода. Длинные тонкие трубочки тонули в горячем томатном соусе. чуть горчили колечки жареных баклажан, терпко взрывались во рту каперсы.

Лилось в бокалы домашнее вино, к тоненьким нежным эскалопам подали картофель al forno, из печи, терпко пахли веточки свежего розмарина поверх картофеля.

А потом вошел дедушка в клетчатой кепочке и развернул гармошку, и полилось «O, sole mio»…

– А почему венецианские гондольеры поют неаполитанские песни? – невинно поинтересовалась Саша. Флавио вдохнул воздух, но тут же выдохнул и теперь уже сам расхохотался.

– Как расследование?

– Пока несколько зацепок. Завтра будем снова допрашивать старуху, которая убирает в церкви, и нашла тело Бритты. Старуха-то не простая, ее внук, монах, оказывается дружил со шведкой.

– И что в этом не простого?

– По матери этот монах – племянник одного каморриста, главы семьи Палумбо.

– Я совсем ничего не знаю о Каморре. Она отличается от сицилийской мафии и от калабрийской Ндрангенты?

– В 1930 году в первую большую итальянскую энциклопедию «Треккани» была включена статья «Каморра»: это ассоциацией людей из народа, которые насилием устанавливали собственные правила, имели свои законы, иерархию, и даже собственные суды. Но вместе с Неаполитанским королевством умерла и Каморра, осталось только слово, обозначающее на итальянском насилие или издевательства.

– В смысле умерла?

– Так написано в энциклопедии. В Неаполе в конце 1940-х годов одним из немногих мест, где регулярно использовалось слово «каморра», был крошечный театр Сан-Карлино. Вход было трудно найти: маленькая дверца, спрятанная среди книжных киосков, толпящихся вокруг Порта Сан Дженнаро. Внутри зрительного зала было всего семь шатких скамеек. Сцена чуть шире стоящего на ней пианино. Это был последний оплот искусства, ориентированного на неграмотных бедняков и ныне почти вымершего: последний кукольный театр в городе.

В Неаполе кукольный театр в отличии от Сицилии специализировался на другом жанре – историях о рыцарстве и предательстве, происходящих в мире Общества Чести. Зрители аплодировали мастерству владения ножом одних каморристи и осуждали трусливые выходки других: «Ах, какой позор, десять против одного!». Сюжеты повторялись: члены Каморры давали кровные клятвы, сражались друг с другом с ножами в руках или спасали марионеточных подружек невесты от позора. Концовка спектакля всегда была одинаковой: добро против зла.

Но прошли десятилетия и это слово появилось снова. Каморра возродилась и изменилась, став сильнее и коварнее, чем когда-либо. Это не единая сеть, не единое «тайное» общество, подобно мафии Сицилии или Ндрангете Калабрии. Это множество нестабильных преступных картелей, контролирующих различные территории в Неаполе и Кампании. И сегодня это не только рэкет и прочая привычная для таких банд деятельность. Каморра XXI века проникла в институты политики и экономики.

Алессандра, ты клюнула на то, на что постоянно клевали иностранцы в Неаполе: здесь из убожества нищей жизни рождалась красота. Мир хотел видеть город уличных торговцев и попрошаек, где с каждого подоконника и порога, с ящиков из-под апельсинов или подносов кто-то пытался тебе что-нибудь продать: каштаны, остатки жареной рыбы, сигареты, кактусы, пасту. Бедный Неаполь всегда был базаром под открытым небом, где парикмахеры и портные занимались своим ремеслом на улице и где семья трудилась над изготовлением обуви или перчаток в комнате с видом на улицу, на глазах у прохожих. Дети прыгают в море с пирса, или едят руками спагетти под вспышки камер, собирая за это деньги. Многое, конечно, изменилось, но вот эта сущность бедных кварталов Неаполя, сохранилась. За ней и едут туристы.

Это сумасшедший город, где возможно все, и он хранит свою аутентичность. Именно в хаосе и действуют банды, даже в их структуре нет сегодня порядка. зато появилась политическая власть.

– То есть даже внутри банд никаких законов?

– Есть иерархия внутри картеля, есть правила, есть структура. Примерно такая же, как и в прочих подобных организациях. Говорят, что сицилийский глава клана заканчивает свою жизнь в окружении внуков и правнуков в преклонных годах. А вот глава картеля Каморры не всегда доживает до 40 лет. Конечно, это преувеличение, но правда в нем есть.

– И ты хочешь встретиться с главой одной из банд?

– Да, с дядей монаха. С Дженнаро Палумбо. Если он того пожелает.

– Это же опасно!

– Не думаю. Если семья Дженнаро имеет отношение к смерти девушки, они найдут, как отвлечь наше внимание. Подсунут убийцу, который признается, и мы отправим его в суд.

– А если не имеет?

– Тогда он со мной встретится. Речь идет о подруге его племянника, значит. он будет заинтересован в расследовании.

– Расскажешь? И кстати, я могу помочь, помнишь, тогда в Венеции, моя соотечественница тоже была студенткой, и мы многое узнали от ее однокурсников. Здесь это тоже может сработать.

– Я подумаю. Но не забывай, это не Венеция. Это совсем другой, чужой мир, и он может быть опасен, но прежде всего – он вряд ли тебе откроется.

***

Вернувшись в апартаменты Саша вышла перед сном на балкон. На пьяцца Данте мальчишки играли в футбол, лавируя между ресторанчиками и прохожими. Промчался по улице мотоцикл, девушка за спиной мотоциклиста крепко в него вцепилась, и без того корот-

кая джинсовая юбка задралась еще выше. Пробежала группа девушек, щебетали о чем-то, смеялись. Обычный город, обычные люди.

Саша пообещала себе съездить в Помпеи, а может и сплавать на Капри, наверняка в марте там мало народа. Надо пользоваться моментом!

Тут она сообразила, что давно не было сообщений от Сони. Набрала номер, подруга ответила сразу очень виноватым голосом.

– Ты меня убьешь…

– Я так понимаю, что ты не приедешь?

– У близнецов коклюш.

– Ко… что? Это же что-то и детства, такого не бывает сейчас.

– Кто тебе сказал, что не бывает? Представь себе!

– Да уж… это надолго?

– На неделю уж точно. Ты имеешь полное право уехать.

– Знаешь… а я, пожалуй, останусь. – И Саша рассказала о встрече с Флавио.

– Вот это да! Надеюсь, ты никуда не вляпаешься?

– У меня и не получится.

– Я рада, что ты там не одна. Но что скажет Лука?

– А мы должны ему говорить? Я же не делаю ничего плохого.

– А тогда у меня есть для тебя причина остаться в Неаполе!

– И какая же?

– А ты поедешь на винодельню и заберешь для меня бумаги, которые они приготовили. Поедешь ведь?

– Поеду, – вздохнула Саша. – Только не подумай, что я остаюсь из-за Флавио. Я остаюсь из-за Неаполя, я хочу узнать его получше.

– Флавио?

– Неаполь!

Разговор с Лукой был менее веселым. Комиссар никак не мог понять, зачем Саше оставаться в Неаполе. Сам он не мог вырваться с работы даже на пару дней, это не в соседнюю Умбрию съездить. И все же они сумели не поссориться.

Теперь можно ложиться спать. Саша погасила свет в салоне, подмигнув импозантному дяде Вичентино, и улеглась, оставив балкон открытым. Оживленное утреннее движение разбудит пораньше, она узнает у Флавио, где училась Бритта, и поговорит с однокурсниками. Должны же у нее быть подруги! И кстати, зайдет к квартирной хозяйке, женская болтовня, это не допрос карабинеров.

***

Первым, с кем встретились карабинеры, стал Паскуале Сальватори. Молодой монах обосновался в самом сердце города, в монастыре Святого Лоренцо.

Базилика Сан Лоренцо Маджоре с желто-золотым фасадом, сразу бросающимся в глаза на фоне строгой серой колокольни, соседствовала с любимой туристами улочкой Сан Грегорио Армено, где днем и ночью сияли огнями сотни неаполитанских вертепов. На каждом шагу здесь базилики и церкви, даже на самой площади Сан Гаэтано рядом с монастырем стояла базилика Сан Паоло с мощами Святого Гаэтано, а мраморный святой возводил руки к небу с каменного постамента в центре площади.

Одна из самых старых церквей Неаполя, Сан Лоренцо Маджоре полна драгоценными фресками и статуями. Но сегодня карабинерам некогда было ими любоваться.

Настоятель сам проводил их к дверям кельи юного монаха. Постучал, и дверь сразу открылась.

– Паскуале Сальваторе?

– Si, signori.

– Я капитан Флавио Маркон. Это сержант Лоренцини. Мы карабинеры, как вы видите. Нам нужно задать вам несколько вопросов.

– Я слушаю. – Монах казался совсем юным, казалось, ему не было и двадцати лет. – Простите, но здесь только один стул. – он, переваливаясь, поспешил к узкой односпальной кровати, перекрестился на висящее на стене распятие и сел, положив руки на колени.

– Мы полагаем, что вы знали девушку, убитую вчерашней ночью в вашем квартале. Бритту Эрикссон.

Монах тяжело вздохнул, поднял глаза куда-то вверх, потом опустил их вниз и, не глядя на карабинеров, ответил:

– Бритта Эрикссон – моя подруга. Она занималась изучением святилищ у неаполитанских церквей. Собиралась защитить диссертацию на эту тему. Она изучала неаполитанские традиции. Я ей помогал. Она была красивой, и к ней постоянно приставали, а в моей компании она была в безопасности. – Он еще раз тяжело вздохнул.

– Бритту убили в этом квартале, совсем недалеко отсюда. Вы видели или слышали что-нибудь подозрительное? В ту ночь, когда ее убили.

– Я услышал крик. Проснулся и не мог понять, приснилось мне это или нет. И снова заснул. А потом опять проснулся от шума, на улице происходила какая-то суматоха и я вышел посмотреть, что происходит.

– Какое у вас зрение?

– Свет и тень. Как будто я смотрю сквозь туман. Ночью я ничего не вижу, в хорошую, солнечную погоду еле различаю лица.

– Здесь толстые стены. Как вы могли услышать, что происходит на улице?

– Господь компенсирует другими чувствами тех, кто не видит. Я слышу лучше, чем большинство людей.

– И вы могли слышать, как кричала девушка, на которую напали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.